

Свердлов Яков Михайлович

**Царская ссылка за десять лет
1906 - 1916 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я47

Я47 **Яков Михайлович С.**
Царская ссылка за десять лет 1906 - 1916 гг / Свердлов Яков Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-85000-1

ISBN 978-5-519-85000-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сильно по своему социальному происхождению, ссыльные в общем и целом выдавались своим высшим культурным уровнем. Несмотря на социальную разницу, в идейном отношении они были близки друг другу. Случайный элемент, почти или совершенно чуждый сознательному революционному движению, партиям, его представлявшим, был очень редок.

Так обстояло дело до развития движения широких масс.

Непосредственное активное участие последних преобразило ссылку и количественно и качественно. Если до 1905—1906 годов в ссылку шли единицы, представители массы, выдвинувшиеся из нее то с этого времени пошла сама масса, и политическая ссылка приобрела иную физиономию.

Старая дореволюционная практика знала почти исключительно один вид ссылки. Это—ссылки без суда, на срок до пяти лет, без лишения каких-либо прав по окончании, с пособием от казны за все время ссылки. Единицы ссыльно-поселенцев, попавших в ссылку по суду с лишением всех прав, без всякого казенного пособия, терялись среди административных. Ссылку по суду получили лишь нижегородские, сормовские и саратовские участники майских демонстраций 1902 года, да Леон Гольдман и Людмила Громозова за тайную типографию в 1904 году. Последние были первыми осужденными по новому «уголовному уложению», начавшему функционировать с 1904 года¹⁾.

¹⁾ Кандидатов в ссылку на поселение „новое уложение“ создало много, но кандидатура на таковую почти у всех была уничтожена амнистией 1905 года.

Пореволюционная ссылка разделилась на две больших группы: административных и поселенцев.

Район административных ссылок очень обширен: Архангельская губ., Вологодская, Олонецкая, Вятская, Пермская (Чердынский уезд), Астраханская и вся Сибирь, как Западная, так и Восточная. Район ссылки на поселение значительно уже. Лишь единицы в начале 1906 г. были поселены в некоторых пунктах Зап. Сибири—в Тобольской губернии. Почти все поселенцы водворялись в Восточной Сибири, по преимуществу—в Енисейской и Иркутской губерниях. Очень многие попадали в Якутку. Но и в этих губерниях, в Иркутской, например, поселенцев было значительно больше повсюду, тогда как во многих частях Енисейской губ. численный перевес падал на административных. Вообще же количество административных осельных было гораздо большим.

По своему составу обе группы отличались между собой довольно сильно. Но отличие это было внешнее. По своей «разношерстности» — культурной, политической пестроте—административная ссылка не отличалась от поселенческой. И тут и там большинство составлял элемент стихийно революционный, в партийном отношении мало воспитанный. И тут и там относительно незначительное меньшинство имело за собою сколько-нибудь заметное политическое прошлое.

Внешнее отличие, о котором я упомянул выше, было таково: первые партии поселенцев имели вообще характер военный. В партиях же административных рабочие, стачечники, а с середины 1906 г. и крестьяне-аграрники преобладали.

Как одни, так и другие были неустойчивы политически, да и морально.

Самые условия жизни административных и поселенцев в материальном отношении были крайне различны. В то время, как административные, получая пособия, могли все же жить не работая, хотя казенное пособие очень мизерно,—поселенцы с первого же дня должны были искать какой-либо заработок. В силу различной кары, значительно более высокой для поселенцев, последние сильнее задумывались над вопросом о побеге. Необходимость искать заработок заставляла их пускать более глубокие корни на месте поселения. Административные имели в своем распоряжении массу свободного времени, что тоже имело известное значение.

Все сказанное приводит к необходимости рассмотреть особо обе группы, а также и смешанную, т.е. районы со значительным числом как одних, так и других.

Начнем с административной ссылки, как с преобладающей количественно.

Грандиозные стачки декабрьских дней 1905 года вовлекли в движение широкие рабочие массы. Особенно сильно было движение в Польше и Прибалтийском крае. Дни «свободы» выдвинули на открытую арену много представителей революционных организаций, до тех пор известных лишь в подполье. Начинаясь ликвидация революции, после декабрьского поражения, коснулась их в первую очередь. Это отразилось на первых партиях, попавших в ссылку. На-ряду с массовиками, мало связанными с партийными революционными организациями, было много участников последних.

В местах, где ссыльные и до 1905 года были довольно частыми гостями, население встречало новых жителей довольно радушно. Там же, где их

прежде не было, новым партиям приходилось преодолевать к себе крайне недоверчивое, даже враждебное отношение.

Так, например, в Нарымском крае, Томской губ., при появлении ссыльных, местные жители запирали двери, запирали даже окна, боясь выглянуть на улицу. Не сдавали квартир. Дело происходило летом 1906 года. Сопровождавший на пароходе первую партию томский губернатор Нолькен объяснил крестьянам в Ново-Ильинске и Колпашеве, что привезли им людей «не плохих», а просто «ненормальных».

Первым партиям было довольно тяжело устраниваться. Казенное пособие было крайне мизерно. Это могло едва-едва хватить на полуголодное существование. Жить в одиночку было почти невозможно. Возникали коммуны. Совместное хозяйство давало возможность кое-как устроиться. Оно же, приведя к совместным закупкам, повело к созданию потребительских коопераций. Последние возникали почти по всем глухим углам Архангельской, Вологодской, Тобольской и др. губерний. Но во многих местах они оказались недолговечны, как другие организации ссыльных—библиотеки, группы самообразования и пр.—за отсутствием интеллигентных сил. Первый период административной ссылки совпадал с неутраченными надеждами на возможность близких перемен во внутреннем строе России. Затихшее на момент революционное движение разгорелось с новой силой в дни Первой Думы и следом за ее разгоном. Для всякого мало-мальски активного человека жизнь в ссылке вдали от общественной работы, становилась невозможной. Мало кто из сознательных интеллигентных ссыльных не

бежал в это время обратно,—к тому общественному делу, от которого был оторван.

Побеги в это время были настолько обычным, заурядным явлением, что за них даже не подвергались карам надзиратели за ссыльными. Да и местная высшая администрация тоже смотрела сквозь пальцы, не особенно усердствуя в создании препятствий к побегу.

Побеги лишали ссылку наиболее активных интеллигентных людей. Оставались, по преимуществу, массовики. Вновь приходявшие партии до второй половины 1907 года осаждали именно массовиков. При этом к концу 1906 года начали приходить аграрники, которые сразу же обособлялись в своем большинстве от остальной ссылки. Они устраивались своей особой колонией, создавая в среде ссылки как бы государство в государстве. Они жили своей особой, замкнутой от ссыльных и от местного населения жизнью.

Рабочие массовики не находили в глухих углах ссылки никакого приложения для своих сил. Большинство из них и до ссылки было совершенно не связано с землею. Рабочие оставались чуждыми местным людям. Иное дело крестьяне. Лишь очень немногие из них попадали за пределы районов, сеющих хлеб. На новых местах их встречал знакомый уклад жизни, с обычной крестьянской работой, только более вольготной и в земельном отношении, и в смысле податной кабалы. Вполне естественно, что крестьяне очень часто начинали браться за привычную работу. Разчищали новые места под пашню, разводили огороды и пр. Нередко бывало, что по окончании срока они оставались на новых местах.

На жизнь ссылки они не имели, вследствие своей замкнутости, никакого влияния. Физиономия ссылки определялась в этот период, с одной стороны, постоянным элементом—рабочими массовиками, с другой—сознательными революционерами, представлявшими текучий состав. Но, несмотря на эту текучесть, они оказывали огромное влияние на массовиков. Сохранялась преемственность. Кое-где последняя была настолько прочна, что раз возникшие организации удерживались надолго от падения.

За все время до разгона Второй Думы состав административной ссылки был в общем почти исключительно политическим в отличие от последующего периода.

Уже следом за насильственной смертью Первой Думы в тюрьмы, а затем и ссылки начинает попадать в качестве административных и уголовный элемент. Вначале он тонул в общей массе политиков. Но развивавшиеся на воле события, создавая в массах разочарование в революционных партиях, способствовали возникновению и росту анархических групп. Участились экспроприации, вооруженные нападения в погоне за деньгами стали своего рода «бытовым» явлением. В конце концов стали стираться резкие грани, отделявшие еще недавно уголовный мир от политического. В тюрьмах появилась особая категория заключенных—«уголовно-политические». С разгоном Второй Думы начался упадок революционных организаций. Влияние последних на массы падало. Усиливающаяся реакция выдавала активных деятелей, все больше и больше наполняя ими тюрьмы и ссылку. Экономический кризис того времени приводил к сокращению производства и, как к последствию его, к созданию кад-

ров безработных; все это вместе приводило к усилению анархических выступлений.

Если до разгона Думы аресты производились массами, то после нее, когда реакция занялась основательной ликвидацией революции и всего с нею связанного, они приобрели прямо-таки грандиозные размеры. Все реже становились случаи освобождения из тюрьмы по отбывании традиционных двух недель административного ареста. Огромное большинство попадало прямым путем в места отдаленные.

Изменился состав вновь приходящих в административную ссылку. Все чаще стали попадаться пришедшие по подозрению в участия в каком-либо анархическом выступлении. Одновременно среди политических появилось много ссыльных с большей или меньшей примесью уголовщины, вплоть до типичных уголовных. Все они шли административным порядком, все были на одинаковом положении административно-ссыльных. В глазах местного населения все были просто «политика».

Весь этот уголовный и полууголовный элемент целым рядом хулиганских поступков создал крайне враждебное отношение к ссыльным вообще у местного населения. Всякие свои случайные беды, вроде пожара, падежа скотины, кражи, везали на «политику». Доходило и до попыток физической расправы с ссыльными. Но это бывало редко. В большинстве местное население проявило сильную робость.

Ссыльные делились на две категории. Выражаясь резко — на идейный и хулиганский элементы.

Идейные не могли быть равнодушны к различным безобразиям. Пьянство, картежная игра, во-

ровство, изнасилование, драки и пр. происходили повсюду. Все это знала и Архангельская ссылка, немногим разве меньше, чем Нарымская и Туруханская. Немногим меньше, ибо излюбленным местом поселения экспроприаторов были: Нарым, Туруханка, Ангара и Якутка.

Местные власти были обычно совершенно бессильны бороться со всеми безобразиями. Такую борьбу взяли на себя сами ссыльные.

Из ряда пунктов, с которыми мне пришлось познакомиться, беру Нарымский, как типичный.

До 1906 года в Нарымском крае почти совершенно не было ссыльных. В 1906 году первым пароходом сразу прибыла большая партия, за которой следовали другие, так что ко времени, когда все места административной ссылки были заполнены, в Нарымском крае числилось до 2.000 человек ссыльных. Всех пунктов размещения было не особенно много, и создавалась изрядная скученность. В двух—трех из них количество ссыльных доходило до 200—300 человек.

По своему составу эта ссылка ничем не отличалась от других. Она была столь же разнохарактерна. Большой процент падал на поляков, так что у местных жителей слово «поляк» было синонимом «политика». Много было представителей иных национальностей: евреев, грузин, армян, латышей и т. д.

Не меньшей была партийная пестрота. По одной анкете, произведенной ссыльными в 1909 году, были зарегистрированы представители всех революционных организаций. Большой процент падал на членов польской партии социалистов, при этом—ее крыла, называвшегося «фракцией», «правницей»,—того крыла, которое сохранило допусти-

мость и эксов и вооруженных нападений, когда все другие революционные организации, кроме анархистских групп, от них отказались. Было много и «народовцев», но они и в ссылке называли себя п.-п.-с-овцами. Встречалась доля и полууголовных типов.

Идейная ссылка, численно более слабая, но жившая сплоченнее, интеллигентнее, ставила своей задачей удержание хулиганских элементов в определенных границах. С этой целью и с целью сплочения ссыльных вообще на почве материальных и интеллектуальных интересов, был создан ряд организаций. Помимо кооперативной лавки была кооперативная мясная, пекарня. Продажа происходила при помощи марок, покупавшихся у представителей организаций. Только члены организаций могли пользоваться всеми ее учреждениями. А, кроме указанных, были еще библиотеки, клубы, школы, своя медицинская помощь, даже зубо-врачебный кабинет. Всеми этими учреждениями объединялись все ссыльные крепкой нитью. При этом, помимо местных объединений, было налажено и центральное объединение. Ежегодно происходили съезды представителей различных колоний края.

Все созданные ссыльными учреждения были объединены в одно целое съездами и их центральными бюро.

Благодаря такой организации, было возможно, с одной стороны, сдерживать хулиганские элементы, с другой—заставить местную администрацию считаться с собой. Ссыльные настолько приучили местное население к тому, что они сами производят суд и расправу за неблагоприятные поступки, что никто не обращался с жалобой на ссыльного ни к кому, кроме самих ссыльных. Лишь бла-

годаря указанным организациям хулиганские поступки были довольно редки. Карамии были — изгнание из организаций, а более суровое — выселение за пределы организованной ссылки, т. е. в наиболее глухие пункты, вдали и от почты и от медицинской помощи.

На случай невыполнения кем-либо из осужденных решения общего собрания колонии добровольно, приговор приводился в исполнение насильственно. При этом не обходилось и без сильного физического воздействия. А в одном случае, при выселении из с. Колпашева торговцев вином, дело дошло до перестрелки. Выгоды принадлежности к организации были настолько очевидны, что при осуждении какого-либо хулиганского поступка даже втайне сочувствовавшие ему голосовали вместе с идейными. Само собой разумеется, что во главе всех организаций стояли последние.

Организации, аналогичные описанным, существовали и в других местах. Самое возникновение их и развитие обуславливались всем укладом жизни ссылки. В одном месте организации были более, в другом — менее сильные. Но необходимость как-нибудь сносно наладить свою жизнь диктовала объединение в различных видах.

Все указанные организации совершенно беспрепятственно функционировали и в самую тяжелую пору реакции. Оно и понятно. Нигде, ни в каком случае силам местной администрации не удалось бы удерживать столь большой массы ссыльных в определенных рамках. Не надо забывать, что массовики, попадавшие в ссылку, были людьми без прочных идейных и моральных устоев. Праздная жизнь, праздная поневоле, без возможности заняться каким-либо привычным трудом, должна